

17 октября 1905 г. – день опубликования известного Манифеста - дата знаменательная для всего российского старообрядчества. С этого дня началось «золотое» десятилетие старообрядчества, организованного лучшими своими представителями: священниками, наставниками и купцами, - и показавшего России свою духовную и материальную силу. В Самарской губернии купцы – староверы также встали во главе общин и жертвовали значительные средства на храмостроительство.

Библиографический список

1. Клейн Н.Л. Из истории предпринимательства в Самарской губернии / Н.Л.Клейн // Предпринимательство и предприниматели нашей России. – Самара, 1994. С.100.
2. ЦГАСО Ф-32. Оп.1. Д.724. Л.56.
3. ЦГАСО Ф-32. Оп.1. Д.1236. Л.30.
4. ЦГАСО Ф-32. Оп.1. Д.1304. Л.18.
5. ЦГАСО Ф-32. Оп.1. Д.1466. Л.47.
6. Казанцева С.Г. Общественные благотворительные организации в Самаре во второй половине XIX – XX века / С.Г. Казанцева // Самарский край в истории России – Самара, 2001. С.74.

ДУХОВНАЯ МИССИЯ ТОЛСТОГО В ОСВЕЩЕНИИ ФИЛОСОФОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

А. Пурыгин

4 курс, исторический факультет

Научный руководитель – **проф. П.С. Кабытов**

Все до единого мыслители и философы Серебряного Века, оценивая жизнь и творчество Л.Н. Толстого, признавали его поистине огромный и неоценимый вклад в русскую и мировую культуру, считая его гением, появившимся раз в тысячелетие и одним своим существованием способного возвысить душу русского народа до уровня величайших творений мировой культуры.

Тем не менее, в их оценке духовной миссии Толстого можно проследить ряд существенных различий.

Н. А. Бердяев, анализируя творчество Л.Н. Толстого, пришел к выводу, что Толстой хотел превратить религию правила, закона, моральной заповеди, в религию, не жаждущую искупления, не ведающую страшной иррациональной бездны зла.

Он считает, что анархический бунт Толстого, чуждый исконному христианству и Христу, предваряет грядущее христианское возрождение, что рационалист Толстой с гениальной силой обратил современных людей к религиозному смыслу жизни, к заповедям Христа.

Константин Леонтьев, рассуждая о преображении мировоззрения Толстого, критикует поздний период его творчества, замечая, что тот Толстой, так страстно любивший все народное и простое, своим прежним

сильным умом давно бы понял простую истину: какая же это любовь – отнимать у бедных страждущих людей ту веру, которая облегчала им жестокие скорби земного бытия? И ради чего? Что у них в сердцах останется вместо веры? – задает он страшный вопрос, на который до сих пор ни у кого нет ответа.

Лев Шестов в отношении Толстого высказывает аналогичную позицию, утверждая, что ранний Толстой – философ в лучшем и благороднейшем смысле этого слова, ибо он говорит о жизни, изображая ее со всех загадочных и таинственных сторон ее.

В. В. Розанов, признавая правоту обвинений Толстого в адрес церкви, указывает на ошибки в его позиции и на трагическую духовную слепоту Толстого, забывшего, что именно церковь выработала тот тип русской жертвенной и самоотверженной души, готовой положить все на алтарь служения Богу, тот тип Русского юродивого Святого, которым во все времена спасалась Россия.

Такой критик толстовства как И.А. Ильин, высказывал мысль о том, что религиозно-нравственное учение Толстого «всецело покоится на недостаточном, неверном духовном опыте – чисто личном, предметно непроверенном, философски незрелом».

В своей критике отрицательного отношения к непротивлению Толстого, Великий философ В.С. Соловьев указал на то, что противление злу добром не обязательно приводит к погашению злой воли.

Д.С. Мережковский отмечал, что Толстой, этот великий тайновидец плоти, в своих великих произведениях приблизился к тайнам духа глубже и полнее, чем даже Достоевский, и выражал надежду, что в этом великом последнем смертном слиянии духа и плоти и будет счастье, будет вечность, будет свет.

С.Л. Франк, соглашаясь с Толстым, считает, что нравственная чистота, идеалы любви и согласия суть неотъемлемые достояния личной жизни, с которыми никогда нельзя расставаться, которые всегда должны руководить нашим поведением, и говорит, что эта идея – одна из величайших идей чистого христианства – нигде и никогда не была высказана с такой силой, ясностью и убедительностью, как Толстым.

Несмотря на все различия их духовной позиции и противоречия в личных оценках Толстого, все единодушно были убеждены, что его духовная миссия в жизни на Земле – обратить все нищенствующее, тоскующее, страдающее человечество к чистым идеалам забытых великих заповедей Христа.